

внешность, и многие разнообразные таланты, в частности она прекрасно пела и играла на аккордеоне. В результате родители благословили нас на создание семьи. О розыгрыше я признался родителям в конце месяца, накануне отъезда в Свердловск для получения диплома и последующей поездки на распределение в Москву. Вот таким случаем и на такой ноте было ознаменовано окончание моей студенческой жизни.

Выпускник
1956 г.

НОВИКОВ Сергей Николаевич

*Вышли в жизнь романтики,
Ум у книг занявшие,
Кроме математики,
Сложностей не знавшие.*

Роберт Рождественский

Говорят, в преклонные годы люди помнят подробно все, что было в молодости. Может быть это и так, но в моей памяти не осталось последовательной истории студенческих лет. Скорее, отдельные остротки-вспышки, часто совсем не стоящие того, чтобы сохраниться и тем более рассказывать другим. Но нужна ли эта подробная последовательность? Ведь кто, сколько и чему нас учил – всем известно. Так что это лишь попытка передать молодым свое (очень личное) общее ощущение от тех, как принято говорить, незабываемых лет.

Школа близилась к окончанию, а я никак не мог решить, что же делать дальше, кем стать. Разумеется, учиться в институте, тогда другая дорога не мыслилась. Но куда пойти? Ведь «молодым везде у нас дорога...». В Хабаровске, где меня застал выпускной год (поскольку отец был строителем электростанций, то семья кочевала по всему Союзу), можно было учиться в медицинском, педагогическом и Институте инженеров железнодорожного транспорта. Хотя и медицину (начитался В.Вересаева), и воспитание юношества (начитался А.Макаренку) мне нравились, но в те годы туда шли только девочки... Связывать свою жизнь с железной дорогой – как это несовременно! Да и хотелось вырваться из дома, хотя там было так хорошо!

Словом, ехать (это бесспорно!), но куда? В Москву – страшновато, несмотря на светившую после выпуска медаль. Выбор на Свердловск пал оттого, что семья когда-то (1939–1943 годы) там жила город я знал, да и остались кое-какие знакомые. А главное, девушка с которой мы дружили в свердловские годы (студентка консервато

ри), написала мне, что в УПИ открылся новый факультет, очень секретный, где, как будто, готовят специалистов по атомной технике. Это решило все, родители одобрили. Я поскорее написал письмо в приемную комиссию с просьбой подробно разъяснить, кого готовит физико-технический факультет и как туда поступить. Вскоре пришел исчерпывающий ответ, подписанный Милайкиным и Е.И. Крыловым, где сообщалось, что факультет готовит специалистов в новейших областях науки и техники. Чего же боле?

Получив все же медаль и поэтому, проведя лето на песчаных пляжах Амура, я полный сил оказался в коридорах здания, которое своим своим благородным фасадом внушало гордость и счастье принадлежать к его обитателям.

Коридоры кишели абитуриентами. Но мы, физтехи, были не такие, как все. Во всем чувствовалась некая тайна и избранность. Например, мы должны были проходить особую медкомиссию, помещения факультета были отгорожены деревянным барьером, для входа требовался пропуск, а вечером и ночью дежурили овчарки.

Это ощущение секретности сопровождало всюду и очень нравилось мне тогда. Хотя, как потом выяснилось, ничего секретного не было ни в наших лекциях, ни в аккуратно прошнурованных тетрадях. Секретным, пожалуй, был сам факт существования в Свердловске такого факультета, может быть, его численность. Однако и это был секрет Полишинеля, так как весь огромный город отлично знал (как знала моя консерваторка), чему учат на физтехе. Конечно, нам, которым в недалеком будущем пришлось работать на действительно секретных объектах, была нужна эта школа секретности для выработки специфических навыков. Но в личной жизни многих из нас это было, конечно, отрицательное явление, поскольку оно превращало нас, «будущих командиров производства», в слепых котят, которые не знали, чему их учат, что ожидает впереди, куда нужно стремиться, чтобы лучше реализовать свои наклонности. Система секретности была также прекрасным рычагом для управления студенческими массами. Ведь нас нельзя было сравнить по дисциплинированности со строителями или металлургами. Если там администрации надо было тратить силы на объяснения своих решений, то нам было достаточно дать команду, чтобы наши ряды молча перестроились и зашагали тем же бодрым темпом в ином направлении. В личной жизни некоторых студентов-физтехников это приводило к драмам, так как их внезапно, без объяснения причин, переводили на другие факультеты. Да и меня эта система бесцеремонного распоряжения судьбой человека привела к тому, что я ни дня не работал по специальности, я ее не любил, а питал тайную страсть к физикам (к которым и сбежал, как только закончился курс наук). Часто впоследствии мне не хватало знаний, которые я должен был получить в институте, и приходилось постигать азы самостоятельно.

Но вернемся к началу. Первые физтехи, с которыми я встретился на медкомиссии в сентябре 1950 года и с которыми поддерживаю связь по сей день, были Е.Казанцев и С.Медовщиков. Незабываемо первое общее собрание первого курса в «римской» аудитории. Нас оказалось человек сто пятьдесят. В основном вчерашние десятиклассники (много медалистов), однако кое-где зеленели гимнастерки и кителя бывших фронтовиков. Хорошо помню, как шли по проходу красиво одетые парни в ярких пиджаках и длинных галстуках (будущие стилисты). Они сразу образовали дружную группу во главе с неотразимым Васей Кобяковым, нашим будущим поэтом и моим другом. Еще одна маленькая группа приковывала внимание всей аудитории – девушки. Их было всего пятеро, наш «редкий элемент». Они все были симпатичные, но их было так мало, что их роль в нашей жизни была невелика – приходилось искать контингент на стороне. Выступали перед нами руководители факультета, студенты старших курсов. В основном на тему о факультетском патриотизме.

Мы уважали наших руководителей, некоторых любили (особенно Е.С.Якушеву, М.Г.Владимирову, Е.И.Крылова). Других мы знали мало. Следующее яркое воспоминание – поселение в общежитие (в седьмой корпус, вместе с механиками). В нашей комнате было восемь коек, так что я протискивался к своему ложе бочком. На первом курсе был народ разный, многие из живших тогда в нашей комнате быстро отсыпались. На меня, маменькина сынка, всю жизнь прожившего с родителями, общежитие (слово «общага» тогда еще не придумали) произвело гнетущее впечатление. Ребята все вроде бы неплохо, но скучновато, разные привычки и характеры – это травмировало. К тому же многие любили выпить лишнего. В нашей комнате жил и староста группы Коля Тюрин, всегда спокойный и улыбающийся, бывший морячок в черном бушлате, в котором он проходил, кажется, все студенческие годы. Как будто бы, курсе на третьем его «вычистили» на метфак.

Жизнь мы вели примерную, т.е. под влиянием наставлений отцов факультета все стремились к знаниям, боялись отстать от графика, хотели иметь все конспекты и т.д. Это известный синдром первокурсника; потом – курсе на втором–третьем – мы освоили студенческую науку быть веселыми от сессии до сессии. Но тогда – все было всерьез. Стол для занятий (а также для еды и пр.) в комнате был один, поэтому разбились на смены и круглые сутки занимались. Одни – спали, другие – учили. Правда, на столе стоял патефон, который периодически накручивали для настроения; но ни свет, ни фокстроты (которые тогда называли быстрым танцем) не мешали спать или зубрить. Моя кровать стояла впритык к столу в центре комнаты, поэтому музыка была прямо по голове. Иногда за полночь приходили навеселе любители выпить и нарушали рабочую атмосферу. Помню, однажды я проснулся от потока холодной воды, обрушившегося отку-

да-то сверху. Оказывается, при выяснении отношений один из гуляк запустил в своего собутыльника через всю комнату ведром, а находившаяся там вода, пролетая, вылилась на мою постель. Словом, через некоторое время я стал напряженно думать, а не переехать ли мне в город к друзьям моих родителей. Однако они не очень радостно встретили мои намеки, за что я им очень благодарен, так как прожил в общежитии все годы учения и были они, действительно, незабываемы.

Итак, процесс пошел, я включился в технологическую цепочку превращения ученика в высококвалифицированного специалиста, как обещали нам отцы факультета. Деканат в первом его составе делал все, чтобы это осуществить. Расписания, планы, графики – все делалось на высоком уровне. Надо отдать справедливость, факультет быстро завоевал славу, которая стала распространяться по Союзу (особенно на восток). Если еще учесть бывшую в те годы моду на физиков («Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне», – сказал поэт Б.Слуцкий), то понятно, что лучшие из окончивших школу потянулись в Свердловск на физтех. Проложил тропинку для хабаровчан и я. Вместе со мной приехали еще трое, правда, не все поступили на физтех. Так, например, мой соученик по школе Вадим Консон поступил на энергофак, а потом стал душой самодеятельности всего института. В 70-х годах он руководил мюзик-холлом в Киеве, а теперь веселит народ в США. Чувство юмора, природный комизм были у него исключительные. В последующие годы приехали еще хабаровчане из моей школы, в частности Володя Рубан – светлая голова. А потом целую группу привел мой брат Леонид, связавший с факультетом всю жизнь и выучивший затем здесь своих сыновей.

Надо сказать, что первые два года прошли для меня как в тумане. Я шел робкими шагами от задания к заданию, от экзамена к экзамену, не понимая, куда ведет меня эта дорога. Помню, очень завидовал ребятам, окончившим техникумы. Они были гораздо самостоятельнее, и мне казалось, видели конечную цель, специальность в целом. Кроме того, у них были отличные навыки к черчению, пространственное видение. Может быть, оттого, что моя адаптация была затянутой, я не помню подробно, кто и что нам преподавал. Лишь отдельные яркие личности сохранились в памяти. Когда нынче собираются старые физтехи, живущие в Москве, то с их помощью и я вспоминаю разные подробности и отдельных преподавателей.

Запомнился, конечно, наш первый физик Абрам Константинович Кикоин (впоследствии я часто встречался с его старшим братом – академиком Исааком Константиновичем), который увлекательно читал свой курс, перемежая физику с воспоминаниями альпиниста. Последние производили на нас сильное впечатление. Настоящий курс общей физики мы услышали позднее, когда пришел читать А.С.Виглин. Это был очень оригинальный человек, сразу обросший в наших

устах анекдотами и легендами. Он дал нам (по крайней мере, мне) строгую и прекрасную картину общей физики, где все было взаимосвязано и обусловлено. К сожалению, он мало нам читал и потом рано ушел из жизни.

О преподавателях общей (и прочей) химии – их было несколько – ничего вспомнить не могу. Пожалуй, наиболее яркой личностью был Валерий Леонидович Золотавин, который читал методы анализа. С ним я был хорошо знаком, так как посещал его лабораторию по линии студенческого научного общества (спектральный анализ), а потом он стал секретарем партбюро факультета и руководил комсомолом. У меня с ним была небольшая трудность. Дело в том, что он очень быстро говорил, и дикция его была неважной (говорят, это черта больших ученых). И на меня в разговоре с ним нападала какая-то оторопь, так что я не мог четко выговорить его имя и отчество: получалось что-то вроде Валериолич, я всегда страшно боялся, как бы он не подумал, что я его передразниваю.

Евгения Ивановича Крылова – первого декана факультета – все мы очень уважали, хотя, кажется, он ничего нам не читал. Просто его личность, мудрость, доброта по отношению к студентам (помню историю талантливого В.Елеонского, которого Е.И. спас от исключения) внушали почтение. В те годы, когда идеология лезла во все щели, когда она стала оружием посредственностей в науке в их борьбе с талантами, Е.И. пришлось много пережить. Его объявили сторонником реакционной, идеалистической, антимарксистской и поэтому антинародной теории химического резонанса. Никто из нас, конечно, не понимал сущности этого явления, но вакуум преследования окружал Е.И., и мы это чувствовали. К чести руководителей института это, кажется, не отразилось на его биографии. С Е.И. я впоследствии на старших курсах и после окончания института встречался на почве филателии. Он был одним из наиболее крупных коллекционеров и знатоков советских марок в Свердловске. Разумеется, он не делал из этого бизнеса. Лишь однажды, когда надо было срочно купить для семьи дачу, он продал свою прекрасную коллекцию, но тут же начал снова, быстро наверстав упущенное. В тот период я узнал его как деликатного, высокообразованного и очень благожелательного человека. Забавно, что он случайно благословил меня после окончания института. Когда я прибыл (по очень таинственным ориентирам) для дипломной практики на станцию Верх-Нейвинск, то, к своему удивлению, увидел в маленьком вокзальном домике Евгения Ивановича, которого провожал сам директор комбината М.П.Родионов («Борода»). Узнав меня, Е.И. тепло пожелал мне успехов.

Из корифеев, читавших нам в первые годы общеобразовательные курсы, вспоминаются Е.А.Барбашин (математика) и И.М.Волк (теоретическая механика). Лекции их были содержательны, но какого-либо личного впечатления не оставили. Разве что, И.М.Волк нравил-

ся четкостью изложения и красотой математических символов. О Е.А.Барбашине сказать этого не могу, так как по складу характера он не производил яркого внешнего впечатления, однако имел славу выдающегося математика. Иное дело, проводивший семинары по математике Егоров. Он запомнился этаким суперменом, отлично знавшим свой предмет и полупрезрительно гонявшим нас в хвост и в гриву. Он любил пользоваться длиннейшим ногтем на мизинце правой руки в качестве указки, решая у доски какую-нибудь задачу.

Особое впечатление осталось от курса основ марксизма-ленинизма (ОМЛ), который, естественно, считался тогда одним из важнейших, если не самым важным предметом. На первом курсе нам читала лекции Федорова (имени и отчества не помню). Это была полная, уютная женщина со сладким голосом. С прекрасной дикцией она гладко излагала нам курс, в значительности которого ни у кого (по крайней мере у меня) сомнений не возникало. Иногда, правда, коробили бездоказательные формулы типа: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Но это, вроде бы, была цитата из какого-то выступления В.И.Ленина...? Скажу честно, никакой тени недоверия, критиканства (не говорю уже протеста) у меня да и у подавляющего большинства студентов, это не вызывало. Интересы, правда, тоже. Помню, что некоторое недоумение возникало при конспектировании первоисточников. Все изучаемое преподносилось нам как величайшее достижение человеческой мысли всех времен и народов, а из текстов это как-то не следовало (особенно при чтении работ И.В.Сталина). Даже свечок философской науки «Материализм и эмпириокритицизм» В.И.Ленина производил на меня впечатление рабочего концепта Ленина, полемической журналистики, обзора и критики чужих философских воззрений, но не стройной философской системы. Мы были воспитаны прочно: с раннего детства в сознании формировалось полное доверие к тому, что говорят официальные источники. Характерным примером этому может служить эпизод, который произошел в дни после смерти И.В.Сталина. Не стану говорить, какое это было для нас потрясение и личное горе — это все знают. Но мой друг, с которым я прожил бок о бок пять лет в одной комнате общежития, деликатнейший Лева Толстов (мы звали его Леви за изысканность) как-то обронил, что Сталин не совсем такой, каким нам его представляют... Помню, какую бурю протеста в душе вызвало у меня это осторожное замечание. Долго еще я раздумывал, как мог Леви такое сказать? Наш ли он человек? (А он как раз имел основания, так как его семья, как потом выяснилось, пострадала от репрессий.) Этот маленький эпизод показывает, что кафедра ОМЛ хорошо делала свое дело. Никаких самостоятельных мыслей, попыток узнать истинную историю и философию из первоисточников (да и где их можно было найти?) у нас не было и не должно было быть. На современном языке можно сказать, что мы были прочно зомбированы. Конечно, на ка-

федре тоже были люди, и их хлеб был нелегким. Обстановка там была тяжелая, самостоятельно мыслящие люди не задерживались. Это я узнал потом, когда познакомился с одной из молодых преподавательниц этой кафедры. Сам заведующий Каро Мкртиевич Мкртчян был яркой личностью и, как говорят, хорошим человеком. Нам он недолго читал лекции на ломаном русском языке. В полную силу своего южного темперамента он клеймил проститутку – буржуазию, в чем мы его охотно поддерживали.

Вот, пожалуй, все лица, которые остались в моей памяти от первых лет учения. Позже в нашу жизнь вошло другое поколение преподавателей. Они уже не были корифеями, известными всему институту. Они были проще, понятнее и ближе к нам по возрасту. Их было много. Здесь и барственный, холерный и остроумный Ю.П.Никитин, проводивший семинары по физхимии (мы его звали «слон»), и преподаватель по сопромату, который говорил, что мечта его жизни написать учебник в стихах (фамилию не запомнил). Содержательный курс химии редких элементов читал нам З.Л.Персиц. Были и почти наши ровесники, как оба А.К.Штольцы, Е.П. Дариенко, оживлявший занятия хохмами и каламбурами. Вызывали особое чувство интереса люди «оттуда», которые видели все своими глазами (В.Г.Власов, П.И.Дерягин, С.А.Вознесенский). Запомнились навсегда В.С.Пахолков (Пах) и И.С.Пехташев (Пех), которые читали спецкурсы и уже по-отечески наставляли нас на будущую жизнь. Они же хлопотали при поездках на практику. Словом, это были уже близкие люди, с которыми и после окончания у нас надолго сохранялись хорошие отношения.

Мало я рассказал о своих преподавателях. Может быть, потому, что, как уже сказал, мне не нравилась специальность, которую мне назначил деканат, не спросив моего мнения. Так было принято. Я стремился к физикам (правда, никогда не пытался перейти, так как вначале считал, что недостойн, а потом уже сильно отстал), дружил со многими из них, с интересом слушал их отзывы о курсах и преподавателях. Я считал, что им повезло учиться у таких людей, как Г.В.Скроцкий, В.П.Скрипов, П.С.Зырянов, Ю.М.Каган. Когда учение было закончено, я попросил своего друга Володю Жданова, физика (ныне профессора МИФИ с международной известностью), уже работавшего на заводе в Сингапуре (так мы зашифровывали знаменитый Верх-Нейвинский комбинат), вызвать меня на преддипломную практику. Конспирация, однако, не мешала нам петь куплет на мотив «Сан-Луи» Армстронга:

Горит Верх-Нейвинск огнем реклам,
Там желтый атом и КГБ,
А здесь, в ущелье, за лесом скрыты,
Дымят заводы марки «Б»...

Там я защитился и остался работать на 18 лет, ни дня не посвятив полученной мною специальности.

Роль физтеха в жизни каждого из нас огромна и не только (и не столько) в связи с полученными знаниями, а как символ прекрасного периода молодости – студенчества. Не случайно, что наши связи крепки до сих пор. В группе были разные ребята и по характерам, и по интересам. Было несколько компаний, однако между ними никогда не было плохих отношений, была стабильная дружеская атмосфера. Когда факультет получил собственное замечательное общежитие (10 корпус), где в комнатах жили по двое, по трое, мы поселились втроем: я, Вася Кобяков и Леви Толстов. Несмотря на то, что мы были очень разные, нас связывало какое-то теплое чувство взаимного интереса. Вася – натура широкая, артистическая, признанный лучшим в институте поэтом, стилига и любимец девушек. Лева – скромный, даже застенчивый, постоянно краснеющий, тоже стилига и крайне неуверенный в своих силах и знаниях. И я – комсомольский активист, функционер. И вот эта взрывчатая смесь сохраняла стабильность, из года в год мы жили вместе и не пытались разъехаться. Нашей дружбе не мешали небольшие конфликты, возникавшие иногда. Поскольку и Вася, и Лева были стилигами (явление, не очень понятное современной молодежи, но несомненно сыгравшее большую положительную роль в жизни нашего поколения, поскольку было формой стихийного протеста против официальной казенщины) и любили ходить в рестораны, то мне, бывало, приходилось «разбирать» их на заседаниях комсомольского бюро. Они не обижались, так как это входило в правила игры того времени. Я тоже был не прочь побывать в ресторане («Большой Урал» или «Бушура» был любимым, там пели тлетворную песню «У самого синего моря...»), выпить крепко на вечеринках, которые мы устраивали то с медичками, то с экономистками, потанцевать до утра. Однако это не мешало мне распекать моих друзей на заседаниях комсомольского бюро факультета. Это была, несомненно, двойная мораль, и она была узаконена. Ведь мы хорошо знали, что все студенты бывают в ресторанах, пьют на вечеринках, даже самые-самые, заседающие в бюро и комитетах (я бывал в такой компании, где дружно веселились члены комитета). Например, было доподлинно известно, что некоторым «крупным» активистам давалось поручение (и, возможно, средства) сидеть в наиболее популярных ресторанах и фиксировать своих.

Как символ той нашей жизни, я храню строчки, которые написал когда-то Вася:

Милый друг наш, свет Сережа,
Быть нам скоро на погосте:
От меня осталась кожа,
А от Леви – только кости.

Застилает нам сознание
Голод – злобный враг студента,
Выдай нам на пропитанье –
Ведь у нас опять ни цента.

Словом, в нашей комнате мы были разные. Однако мы дружили и после института, а с Васей и по сию пору. Лева очень рано погиб в нелепом автомобильном происшествии – его, стоявшего на краю тротуара, убила милицейская машина. Мы все после окончания тянулись к науке. Лева долго готовился, наконец, защитился, получил назначение на должность заведующего лабораторией, и тут случилась эта катастрофа. Мне пришлось провожать его в последний путь.

В нашей группе я дружил еще с Олегом Скресановым. И сейчас мы изредка обмениваемся письмами, сообщаем друг другу последние новости о наших физтехках. Когда он приезжает из Новосибирска, то обычно заходит ко мне, и я бывал у него среди своих ребят. Олег отличался олимпийским спокойствием, невозмутимостью. Может быть, поэтому у него была кличка «Хэпс». Меня поражало и вызывало зависть глубокое понимание им материала и особая «химическая» интуиция, которой он, несомненно, обладает. Там, где я, мучительно вспоминая пройденный материал, пытался понять, что же произойдет в той или иной реакции, он, пошевелив пальцами и почмокав губами, сразу говорил результат. В химии интуиция играет большую роль. Наверное, именно это свойство позволило ему стать одним из главных специалистов по проектированию химического производства в Средмаше.

Невозможно даже упомянуть о каждом однокашнике, но перед мысленным взором все они стоят, как и раньше, поскольку все были своеобразными и интересными личностями. Со многими приходилось встречаться после и на юбилеях физтеха, и в командировках, и на встречах в Москве «уральцев-удральцев». Пожалуй, только одного-двух так и не видел с момента окончания. Конечно, все мои лучшие друзья – физтехи. Мало потом я приобрел друзей.

Наша студенческая жизнь была насыщена интересными делами, содержательна; я не помню периода, когда хотелось бы убить время. В этом отношении не могу удержаться от старческого брюзжания и не посетовать – как жаль, что современные студенты не знают этой счастливой жизни. Я наблюдал жизнь своих детей, когда они были студентами, знаком с жизнью и бытом современных студентов двух московских вузов (МИЭТа и МГУ) и считаю, что мы жили интереснее. Пресловутая комсомольская работа, о которой сказано так много плохого, все же очень способствовала развитию организаторских способностей личности. Да, идеологический пресс давил, деформировал мораль, но, может быть, именно как противодействие ему в молодых людях формировались важные черты характера: устойчивость в жизни, способность к неформальному общению, остроумие и умение чи-

тать между строк. Поскольку меня со времен школы выбирали во всякого рода бюро и комитеты (не допуская, правда, к ключевым постам), я могу сказать, что комсомольскую жизнь знаю не понаслышке. В институте стало как-то особенно ясно, насколько идеологическая часть комсомольской работы выродилась в пустую формальность. Если на первых курсах нас еще могли зажечь такие лидеры, как В.Пузако, А.Штольц, Б.Гейцан, то далее все повторялось, и мы тупели от однообразной пропаганды. Кстати, Б.Гейцан произвел на меня сильное впечатление и запомнился надолго таким пламенным трибуном типа Павки Корчагина (что не помешало режимным органам факультета вычистить его за какие-то еврейские корни). Когда я попал в бюро факультета, то помню, мне очень хотелось как-то оживить агитационную работу, найти новые формы. К моему удивлению, я встретил полное неодобрение со стороны комитета комсомола и партбюро факультета (В.Л.Золотавин). Мне говорили: «Зачем придумывать новые формы, когда возможности старых еще не исчерпаны?» И мы продолжали читать вслух материалы съездов, пленумов и передовые «Правды». Однако мне все же удалось осуществить свою инициативу: я предложил и организовал несколько конференций по изучению работ М.И.Калинина, обращенных к молодежи (они мне, действительно, нравились). Сейчас это звучит, возможно, забавно, но тогда вызвало некоторый интерес.

Комсомольская работа объединяла и другие стороны студенческой жизни, не связанные с идеологией, в частности спорт и художественную самодельность. Они играли очень большую роль в нашей жизни. Я не был спортсменом, но навсегда запомнил атмосферу спортивных праздников по разным видам – гимнастике, волейболу (где-то там играл будущий президент России), которые собирали тысячи зрителей. А уж эстафеты «ЗИК» (газеты «За индустриальные кадры»), наверняка помнят все. Весной весь втузгородок бегал. Несмотря на добровольно-принудительный характер подготовки к эстафете (помню, как поднимали на обязательную утреннюю зарядку любителей поспать, «бия» в алюминиевую отливку, издававшую жуткий звук), эстафета была большим событием!

А культурная жизнь студентов нашего института? Я уверен, что никто из нашего поколения не забыл прекрасных концертов-капустников, которые давались на сцене клуба УПИ. Весь город стремился попасть на эти концерты. Масса выдумки, оригинальных остроумных текстов, прекрасных исполнителей (среди них наши звезды – Лидочка Пушкина, Вася Кобяков, Саша Денисов) – все это создавало атмосферу бодрости и радости жизни. Тогда основой всякой самодельности были хоры. Каждое торжественное мероприятие начиналось и кончалось хором, исполнявшим «Партия – наш рулевой» или другие подобные гимны. Все мы ходили на хор – факультетский, институтский. Там разучивали и исполняли не только гимны, но и

песни для души и даже классику (помню хор «Ноченька» из оперы «Демон»). Наши вдохновители и учителя Борис Митюхляев и недавно безвременно ушедший из жизни Толя Манаков на всю жизнь привили нам любовь к песне и умение петь хором.

Большое значение в нашей жизни играл институтский «БОКС» (Боевой орган комсомольской сатиры), но не на ринге, а на стене. Мы ждали выхода нового номера, обсуждали его содержание между собой. Коллектив авторов, в который входили многие физтехи – В.Кобяков, Г.Тетерин, Ю.Поташников (может быть, кого-нибудь забыл), представлял собой некий элитарный клуб, где царило острословие. Они от души разоблачали двоечников и прогульщиков, пьяниц и стилиг (будучи все стилигами!). Почти все они в дальнейшем стали видными специалистами, докторами наук.

Вот лишь некоторые примеры деятельности институтского (факультетского) комсомола тех лет. Было много другого, например эпоха студенческих стройотрядов. Но всего не расскажешь. Многие активные комсомольцы стали потом «отцами города» (А.Добрыдень, А.Мехренцев, думаю, что, если бы не ранняя смерть, А.Мехренцев был бы сейчас премьер-министром). Однако наблюдалась и обратная закономерность – деятели комсомола в институте после окончания отходили от активной общественной работы и, наоборот, большими политическими фигурами стали те, кто в студенческие годы не проявлял активности (например, Б.Н.Ельцин). Мне думается, что активисты студенческих лет поняли убогую сущность политической деятельности, и она их более не привлекала. Вторые – сознательно использовали политику в качестве простого способа самоутверждения. Так или иначе, но то, что в институте называлось комсомольской работой, многим оказалось полезным для развития личности. Ведь именно в эти годы среди нас формировалось поколение, которое потом назовут шестидесятниками. Очень похожая студенческая жизнь была во многих крупных вузах бывшего Союза (это видно из многих мемуаров, которые публикуются в последнее время). Поколение шестидесятников решило историческую задачу, результат которой мы сейчас переживаем.

В заключение этих сумбурных воспоминаний хочу пожелать родному факультету долгих лет успешной работы, а его людям – здоровья и благополучия. Сейчас, конечно, все значительно усложнилось. Нужны большие усилия, чтобы обеспечить факультету успех. Наверное, все же именно время нашего поколения – пятидесятые-шестидесятые годы – были золотым веком физтеха. Все тогда было в будущем, возможности были неограниченными, так как партия и правительство щедро выделяли необходимые средства. Нам повезло!

Однако я не сомневаюсь, что смутные времена закончатся, и вновь престижным будет не столько удачливость в торговле и финансовых махинациях, но и высокая образованность и творческий потенциал. А это как раз тот «продукт», который производит наш факультет.